

«КОЛОКОЛА» И «КОЛОКОЛЬНОСТЬ»: СПЕЦИФИКА КАМПАНОЛОГИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ

Измаилова Л. В.

*кандидат искусствоведения, старший преподаватель кафедры
белорусской и мировой художественной культуры
УО «Белорусский государственный университет культуры и искусств»
(Республика Беларусь, г. Минск)*

Колокола занимают особое место в европейском музыкальном инструментарии, выделяясь мощной динамикой, темброво-акустическим разнообразием, специфическим исполнительским контекстом и исключительной широтой функционального применения. Совершенствование и расширение колокольного инструментария на протяжении VII–XIX веков свидетельствует как о его востребованности в сфере музыкального творчества, так и о непрерывности эволюции музыкально-конструктивного мышления. Кроме известных инструментов – аутентичных колоколов, оркестровых колоколов (трубчатых и пластинчатых), – к ним относят куранты, карильон, гlockenspiel, а также оригинальные, ныне забытые артефакты – била и клепала, сигнатурки, колокольное колесо, колокольную лиру, ямщицкую гармонию.

Функционирование колоколов не ограничено рамками музыкального искусства. Их социокультурная востребованность неизмеримо шире и простирается от почти сказочных джингль-беллов, оригинальной забавы – ангельских курантов со свечами, украшений рождественских елок до звуковых сигнальных приспособлений и гигантского молчащего Царь-колокола Московского Кремля. Однако современная наука не уделила пока должного внимания исследованию колоколов как артефактов, оставивших заметный след в истории европейской культуры. Соответственно, недостаточно разработана научно-терминологическая база кампанологии.

Понятие «колокол» охватывает широкий круг материально-художественных предметов, среди которых одни звучат как колокола, другие – имеют с ними внешнее сходство. Термин «колокол» полисемантичен. Его этимология уводит к различным значениям и языковым истокам: «беспорядочные крики, шум» и «обруч» (древнеиндийский), «звать» (греческий), «созывать, восклицать» (латинский), «гусли» (литовский) [1, с. 294].

Обратимся к терминологии, отражающей культурно-исторические, конструктивные и функциональные модификации колокольного инструментария. Так, например, в английском языке сформировались понятия-синонимы, закрепившие этапы исторического развития этих инструментов на Британских островах. Наряду с широко известным обобщающим понятием «bell» («колокол») существуют следующие специфические обозначения: the Tom bell (благовестник), the Assembly bell (вечевой колокол), soul bell (погребальный колокол), sacring bell (колокол, возвещающий о возношении Святых Даров), toscin bell (набатный колокол), tantony bell (небольшой церковный колокол), tubular bell или chimes (оркестровые колокола). Соответственно, были введены в обиход глаголы, имеющие различные смысловые оттенки русского слова «звонить»: clang / toll / peal / sound / clapper / ring / chime / tong / announce [2–4].

Об отсутствии согласованности в осмыслении колокола современным европейским искусствоведением свидетельствует справочно-энциклопедическая литература XX века. Термин «колокол» в различных изданиях получает сходное, но не идентичное толкование. Ряд авторитетных музыковедческих источников, содержащих теоретические сведения о колоколах, опирается на общепринятую в мире

классификацию музыкальных инструментов, начатую в XIX веке Ф. О. Гевартом и В. Ш. Маййоном и завершённую в начале XX века Э. М. фон Хорнбостелем и К. Заксом. В основу каждого из пяти классов инструментов положена акустическая общность, а именно – сходство типов вибраторов как источников звука (струна, столб воздуха и т.д.). При дальнейшей их дифференциации внутри классов, видовой, учитываются дополнительные признаки – материал, форма, способ игры. Так, в отечественных музыкальных словарях термином «колокол» обычно обозначают ударные самозвучающие инструменты, относящиеся к классу идиофонов (самозвучающих инструментов), к виду – твердых идиофонов [5, с. 8, 90, 100–104; 6, с. 206, 210–211, 260–261]. Однако существуют иные точки зрения. Систематическое инструментоведение признает, что данная «конструктивно-акустическая классификация не способна охватить все многообразие музыкальных инструментов и способов игры на них», несмотря на введение дополнительных подходов – музыкально-социологического, исторического, исполнительского [6, с. 210]. В полной мере это относится к многочисленной группе колоколов, находящихся «в стороне от всех музыкальных инструментов» (К. Сарджев) по сложности конструкции, уникальности звучания, своеобразию исполнительского контекста и исторической эволюции.

Факультативные признаки определения колокола-инструмента в различных справочниках не идентичны. В одних случаях артикулирован исторический аспект – древность происхождения колоколов, ведущих свою историю из глубины эпохи неолита [6, с. 260; 7, с. 98–101], в других – значимость социокультурных функций (сигнальность и ритуальность) [6, с. 260; 8, с. 602], в третьих – отдельные семантические значения звона [7, с. 100]. В музыкальной энциклопедии НАН Украины 2006 года специально обращено внимание на связь религиозных и народных традиций, сформировавшуюся в результате культурно-исторической практики колокольного звона. Например, акцентируются различия способа звукоизвлечения: звон больших и средних инструментов выполняется путем раскачивания всего колокола (веревка крепится к «ушам»), что характерно не только для римо- и греко-католической традиции, но также для православного звона Западной Украины, в то время как у восточных христиан повсеместно практикуется язычный способ. Особо отмечено, что маленькие колокольчики у гуцулов применяются в обряде колядования, празднования Пасхи, а также в театральном вертепе [9, с. 608].

В энциклопедических источниках встречается расширительная трактовка термина «колокол». Приведем примеры: «...любое устройство, производящее металлический звук, постепенно затухающий...» [10, с. 424], полый инструмент (сосуд, предмет) либо механизм [11, с. 40] из литого металла в форме чаши, издающий звенящий звук при ударе [3, с. 136; 4, с. 74; 11, с. 40]. В качестве атрибутивных признаков указываются следующие – «любой предмет в форме колокола» или «собственно звук колокола» [3, с. 136]. Суммируя данные справочной литературы и различных авторских позиций, подведем итог: пока не выработано единой дефиниции «колокол», а этим термином обозначаются как музыкальные инструменты, так и звенящие механизмы, устройства либо просто похожие на колокола предметы.

Нам представляется целесообразным ввести «общий знаменатель», выражающий «идею колокола», – *колокольность*. В музыковедении этот термин встречается в следующих значениях: как звукокрапка аутентичных колоколов в оркестровых партитурах или прием звукоподражания, как обобщенное название многообразных звонных эффектов (от гула набата и праздничного перезвона до тихого шелеста вибрирующей колокольной лиры) и даже как звуковой «символ красоты, ...традиций русского народа и сама эта традиция» [12, с. 118]. Мы предлагаем расширительное

толкование колокольности как совокупности атрибутивных признаков, аудиовизуальных свойств и потенциальных возможностей, присущих как музыкальным инструментам, так и артефактам, ассоциирующимся с колоколами. При огромном разнообразии звуковых характеристик, размеров и материалов, конструктивных моделей, пластических решений, назначения и практического применения колокольность выступает в роли *инварианта-интегратора*, объединяющего столь непохожие друг на друга церковные и часовые колокола, ямские колокольцы и бубенцы, оркестровые инструменты, изящные декоративные фарфоровые поделки, шумящие подвески на одежде, корабельные рынды, овечьи колокольчики (ботало) и т.д. Общность этих артефактов может быть *визуальной*, связанной с геометрией построения (чашеобразная, грушевидная или конусообразная форма, полая внутри), либо *аудиальной*, основанной на сходстве темброво-акустического ряда. Учитывая аудиовизуальное многообразие колоколов, предлагаем также ввести понятие *колокол-артефакт*, охватывающее все предметы – в том числе и музыкальные инструменты, – обладающие отдельными признаками колокольности.

Колоколам, как музыкальным инструментам, свойственна колокольность аудиальная, но не всем из них – визуальная. Прекрасно звучат, но внешне не ассоциируются с колоколами оркестровые колокола (своеобразный инструмент, состоящий из цилиндрических трубок либо прямоугольных брусков), механические карильоны и гlockenspiel, старинные била и клепала, железнодорожные рельсы, при необходимости удачно заменяющие колокола в церковной практике. Эффект колокольности звучания достигается также посредством приема имитации инструментальной или вокальной. И, наоборот, многие пластически и художественно выразительные «колоколоподобные» артефакты (каменные, деревянные, глиняные и фарфоровые колокола, мелкие колокольчики, как элементы декоративного украшения бытового костюма и церковного облачения) не обладают качествами аудиальной колокольности. Хрестоматийно известные примеры – это два храмовых колокола, по разным причинам оставшиеся «без голоса»: «великий немой» из Кельнского собора и самый большой в мире Царь-колокол Московского Кремля (201924 кг).

Колокола на протяжении многовековой европейской истории выполняли различные функции в сфере культурно-практической деятельности. Область их применения – магия и обрядовость, богослужбная практика, коллективный труд, светский церемониал, государственный этикет. В христианской культуре Европы колокола были не только церковными музыкальными инструментами, но и духовными коммуникантами, которым наряду с крестом был придан официальный статус символа христианства – «*signum ecclesia*» (знак церкви). Семантика и художественная выразительность их коммуникативных сообщений были общедоступны и широко известны. Так, например, кампан – церковный колокол – нередко идентифицировали с самим Спасителем, что послужило основанием для специфической семантизации: сам колокол называли «колоколом Христа», колокольный корпус сравнивали с устами проповедника, удары – с его языком, звон – с проповедью. Ни одному другому музыкальному инструменту не придавался столь глубокий сакральный смысл. Именно за колоколами, как аудиовизуальными артефактами, были закреплены пять основных церковных функций [13, 14].

В светской жизни городов Западной Европы колокола были распространены повсеместно. Дифференциация социокультурных функций колокольности закреплена в названиях самих колоколов: *вечевой, набатный, путевой, буревой, метельный, маячный, корабельный (рында), урочный, биржевой, часовой, почтовый, царский, патриарший* и др. [14]. Колокола приобрели значение аудиовизуального канала связи, а звон и изукрас – своеобразного языка культуры.

Анализ содержания термина «колокол» в различных справочно-энциклопедических источниках представляет многогранность его свойств и выразительных возможностей, что может быть объединено термином «колокольность». А функционирование колоколов и звонов, в процессе исторической эволюции выявляющее значительный аудиовизуальный потенциал, позиционирует их не только как широко распространенные музыкальные инструменты, но и как значимые культурно-маркирующие артефакты.

Литература

1. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. / М. Фасмер; пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. – 2-е изд., стереотип. – М.: Прогресс, 1986. – Т. 2. (Е-Муж). – 672 с.
2. Азаров, А. Русско-английский энциклопедический словарь искусств и художественных ремесел = The Russian-English Encyclopedic Dictionary of the Arts and Artistic Crafts: в 2 т. / А. А. Азаров. – М.: Флинта: Наука. – Т. 1. – 2005. – 816 с.
3. Bell // Webster's Encyclopedic Unabridged Dictionary of the English Language. – Portland House New-York: Copyright by dilithium Press, Ltd. – 1989. – P. 136.
4. Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English. Revised and update. A.S. Hornby. – 1037 p.
5. Музыкальные инструменты мира / пер. с англ. Т. В. Лихач; худ. М. В. Драко. – Минск : ООО «Попурри», 2001. – 320 с.: ил.
6. Музыкальный энциклопедический словарь / гл. ред. Г. В. Келдыш. – М.: Сов. энцикл., 1990. – 672 с.: ил.
7. Bell // The Oxford companion to Music by Percy A Scholes. – Tenth edition. – Oxford University Press, 1970. – P. 98–101.
8. Советский энциклопедический словарь / гл. ред. А. М. Прохоров. – 3-е изд. – М.: Сов. энцикл., 1984. – С. 602.
9. Дзвони, дзвіночки народні // Українська музична енциклопедія: в 5 т. Т. 1. Абаджан – Дяченко / А. Калениченко [та ін.]; редкол.: Г. Скрипник (голова) [та ін.]. – Київ: Ін-т мистецтв., фолькл. та етнол. ім. М. Т. Рильського НАН України, 2006. – С. 608.
10. Bell // The New Grove dictionary of Music and Musicians, edited by Stanley Sadie in twenty volumes 1980. – P. 424–437.
11. Harrap's mini English dictionary, edited by P. H. Collin. – London: Harrap Ltd., 1983. – 633 p.
12. Рагс, Ю. Методологические вопросы акустического анализа колокольного звона / Ю. Рагс // Музыка колоколов: сб. исследований и материалов. – СПб.: РИИИ, 1999. – Вып. 2. – С. 118–125.
13. Измаилова, Л. К вопросу об основных функциях церковных колоколов (погребально-поминальный колокольный звон) / Л. Измаилова // X Міжнар. Кірыла-Мяфодзіеўскія чытанні: матэрыялы чытанняў, Мінск, 24–26 мая 2004 г. / рэдкал.: М. А. Бяспалая (адк. Рэд.) [і інш.]. – Мінск: Беларус. дзярж. ун-т культуры і мастацтваў, 2005. – С. 38–47.
14. Измаилова, Л. Социокультурное функционирование колоколов в пространстве европейского города / Л. Измаилова // XI Міжнар. Кірыла-Мяфодзіеўскія чытанні: матэрыялы чытанняў, Мінск, 24–26 мая 2005 г. / рэдкал.: М. А. Бяспалая (адк. рэд.) [і інш.]. – Мінск: Беларус. дзярж. ун-т культуры і мастацтваў, 2006. – С. 61–72.